

...

Странное ощущение охватило мое лицо, и я резко открыл глаза – оказалось, что в какой-то момент дня я снова впал в глубокий сон.

Занавески на кровати были убраны в сторону, и Цзюцяньсуй холодно сидел на краю кровати. Иссущающий свет вечернего солнца светил в окно и окрашивал его тело кроваво-красным оттенком, подразумевая, что сейчас наступили сумерки.

Сцены из моего кошмара казались слишком реалистичными, и мне потребовалось немало времени, чтобы успокоить бешено колотящееся сердце, прежде чем постепенно осознать, что Цзюцяньсуй, сидящий сейчас передо мной, был настоящим. Он отбросил вчерашнее безумие и демоническую одержимость и теперь пришел ко мне в своей обычной гордой и благородной манере, хотя и с оттенком незнакомости.

— Дужу... — сухо позвал я.

Мой разум подсказывал мне, что я должен что-то сказать, но я заметил, насколько пустым стал мой разум в тот момент, когда я открыл рот. Я даже не был уверен, как начать разговор.

Тишина повисла в воздухе, когда я медленно приподнялся на локтях.

Долгий день сна действительно облегчил боль и слабость в моем теле, тем не менее, они все еще вызывали некоторые затруднения в моих движениях – даже простое сидение оказалось трудным. Когда моя рука ослабла на полпути, пока я садился, я чуть не упал обратно на кровать.

Цзюцяньсуй оставался вдали и неподвижно, наблюдая за моей борьбой. Когда мне удалось сесть в постели, его взгляд, наконец, переместился, постепенно переместившись к изножью кровати и остановившись на выступающем из-под одеяла участке железной цепи.

Щелчок, лязг...

Он поднимал цепь. Одеяло было поднято. Его рука проследила за цепью и погладила мою лодыжку.

«Ке Цзиньинь», — услышал я его голос, лишенный каких-либо эмоций, называющий мое полное имя. Выражение его лица оставалось спокойным: «Я был неправ».

Его голос звучал безразлично, не выказывая никаких следов вчерашнего безумия, как будто он

просто обсуждал обычную тему, например, сегодняшнюю приятную погоду.

«Тебе не нравится, когда я слишком хорошо к тебе отношусь, поэтому теперь я знаю, что ты предпочел бы быть моей собакой».

Я был до глубины души поражен. Ощущение холода поднялось от моих ног и заморозило мои кости, было так холодно, что мои конечности затекли.

«Да ведь Он может исполнить и это желание, если ты того пожелаешь» Цзюцяньсуй продолжил.

Он вытащил из кармана рукава кусок шелкового платка и сложил его вдвое.

«Итак, с сегодняшнего дня ты будешь сукой, которую Этот держит запертой в спальне».

Медленно и осторожно он просунул сложенный носовой платок между железным кольцом и моей лодыжкой. Его движения были очень нежными, изолируя холодное и резкое прикосновение металла к моей коже.

«Этот отправит все 28 слуг из главного зала в маленький двор. Отныне ты будешь вести себя прилично и послушно оставайся здесь. Подождите, пока Он придет и будет покровительствовать тебе каждый день».

Его тонкие пальцы медленно проследили мою лодыжку и ласкали икру. Мне казалось, что его движения наполнены двусмысленной привязанностью, но они все равно заставляли все мое тело бесконтрольно дрожать.

"Ты понимаешь?" он спросил.

Дрожащим голосом я позвал его: «Дужу, я...»

"Замолчи!"

Внезапное яростное рычание прервало мою незаконченную мольбу. Цзюцяньсуй бросился вперед, его большая рука схватила меня за щеки снизу, угол между его большим и указательным пальцами схватил мою челюсть, заставив меня поднять голову.

«Этот позволил тебе говорить?»

Его внушительная тень возвышалась надо мной. Его спина была обращена к свету. Я мог различить следы покраснения, сверкающие в его глазах, отчего он выглядел особенно

зловещим и устрашающим.

«Если ты хочешь быть щенком, ты должен вести себя соответственно. Как ты можешь говорить без разрешения?»

«Хотя, Этот предполагает, что твой отвратительно некомпетентный бывший хозяин даже не научил тебя основным правилам».

«А теперь скажи мне, какое наказание подошло бы за преступление развращения маленького щенка Этого?»

«За каждый дурной поступок щенка Этот будет загигать один палец. Что скажешь?»

Я недоверчиво посмотрел на него, мои незаконченные слова навсегда застряли у меня в горле. Холодный пот страха выступил у меня на спине.

Глава 21.

Я начал опасаться его позднего возвращения и привык ждать его прибытия с того момента, как каждое утро открывал глаза.

Сегодня был хмурый дождливый день. Даже когда я еще был в полусне, я отчетливо слышал завывание ветра снаружи. И, как я и ожидал, вскоре после того, как я проснулся, капли дождя начали периодически падать на землю. Дождь капал на карниз, стекал вниз и брызгал на подоконник, намочив небольшой клочок земли внизу.

Я сидел на кровати и смотрел на дождь, мой разум был лишен мыслей. Ветер вместе с влагой дождя занесло в спальню. Это вызвало у меня холодок, и только тогда я с опозданием натянул и плотно обернул вокруг себя тонкое одеяло.

Я уже не мог вспомнить, как долго я находился в этой спальне. Окно рядом со мной было для меня единственным способом хоть как-то соединиться с внешним миром, но даже окно не могло дать мне четкого ответа. Возможно, я пробыл здесь десять дней, или месяц, а может, и дольше.

Я знал только, что летние дни еще не закончились и цикады все еще бодр.

Я отдернул занавеску. На крошечном столике рядом с кроватью стояло лишь ничтожное количество сухой еды, кроме чайника с теплой водой, что указывало на то, что Цзюцяньсуй вернется в особняк около обеда.

Что действительно развеяло мои опасения.

С тех пор, как он столкнулся со мной на встрече с Его Королевским Высочеством, личность Цзюцяньсуй резко изменилась, заставляя меня находиться в постоянном ужасе. В течение первых нескольких дней моего заключения здесь я даже втайне желал, чтобы он был более занят во дворце, чтобы он был слишком. Нужно убрать «чтобы был слишком» чтобы вернуться в особняк.

Потому что каждый раз, когда Цзюцяньсуй возвращался в особняк, это означало, что я должен был носить ярмо для рта и быть прикованным к кровати, чтобы выдержать длительный период насилия и непристойных действий. Что было для меня самым неприемлемым, так это то, что он каждый раз мог использовать холодный, безжизненный кусок нефрита, чтобы довести меня... до грани безумия, в то время как он оставался спокойным, ни один волос не покидал своего места.

И после нескольких сеансов подобного я, наконец, пришел к выводу, что именно с этим сталкивается настоящая «игрушка». Независимо от того, что Цзюцяньсуй повысил мой статус и сделал меня хозяином, независимо от того, как он заботился обо мне, я все равно глупо и слепо игнорировал очевидное и определял себя как игрушечного мальчика. Для него мои действия действительно были крайне глупыми.

Большую часть времени Цзюцяньсуй запрещал мне говорить, единственным исключением было то, что я хныкал и умолял, когда меня собирались погрузить в море похоти.

В это время я почти каждый день впадал в глубокий сон между бесконечными близостями в постели только для того, чтобы снова просыпаться со странными ощущениями проникновения посторонних предметов в мое тело. Иногда объектом, который меня дразнил, был кусок белого нефрита, иногда — палисандр. Предметы, появляющиеся на моей кровати, постоянно менялись, потому что Цзюцяньсуй обычно злился во время мое кульминации. Пока он злился, он убирал этот предмет, раздавливал его голыми руками, хлопал рукавами и уходил.

Возможно, мои молитвы наконец-то дошли до богов, потому что в один из дней он действительно стал занят.

Я до сих пор помню, что крепко спал в тот день. Когда я проснулся, свет, льющийся в мое окно, уже был ярким. Помимо теплой воды на крошечном столике у кровати, я также нашел нежную выпечку и закуски, как будто я видел признаки того, что моя жизнь действительно возвращается в нормальное русло.

Однако после полудня отдыха эта «нормальность» быстро трансформировалась в мучение.

Длина железной цепи не позволяла мне отойти от кровати дальше пяти шагов, не говоря уже о выходе из комнаты. В предыдущие дни Цзюцяньсуй быстро разблокировал другой конец цепи и переносил меня, когда мне нужно было воспользоваться удобствами или помыться. Однако теперь, когда его не было, я не мог самостоятельно удовлетворить ни одну из своих физиологических потребностей.

Острая потребность облегчиться переросла из беспокойства в боль, а затем в отчаяние, пока я не свернулся калачиком у изножья кровати и не задрожал, снова и снова отрицая свои прежние стремления. Я даже жаждал возвращения Цзюцяньсуя, и когда он, наконец, вернулся, он совершенно не торопясь толкнул дверь.

Имея высокое положение при дворе, Цзюцяньсуй был обычно занят своими обязанностями. И все же он каждый раз пытал меня до тех пор, пока я не переставал узнавать себя, и даже заставлял меня... испытывать нездержание, как зверя.

Даже если бы я испытал это только один раз, влажные халаты и ковер, влажное тепло между моими ногами и всепроникающий запах мочи, окружавший меня, превратились в кошмар, который преследовал меня каждую ночь, безжалостно унижая меня снова и снова.

С тех пор я начал опасаться его позднего возвращения и привык ждать его прибытия с того момента, как каждое утро открывал глаза.

Был один раз, когда я был совершенно вялым, держась в объятиях Цзюцяньсуя в нашей ванне, когда он вдруг признался, что ему было очень приятно видеть мое выражение лица, когда он поздно вернулся домой. Я был на грани истерики, но он больше никогда не возвращался поздно.

Однако у меня было еще одно опасение: прием целебного отвара, который мне безотказно доставляли ежедневно, был приостановлен со дня моего заключения.

Никто не знал моего состояния лучше меня. На самом деле, я молча поддался тому факту, что мне недолго жить, задолго до того, как Цзюцяньсуй вызвал врачей для постановки моего диагноза. Однако со временем, после употребления чаши за чашкой отваров, накопившиеся в моем организме яды постепенно исчезли. Поскольку мое здоровье улучшалось с каждым днем, мое желание выжить тайно возродилось.

Отсутствие надежды никогда не было страшным. Что было ужасно, так это почувствовать, наконец, сладкий проблеск надежды, только чтобы стать свидетелем того, как он жестоко погас в один внезапный день. Его разрушение породило бы еще более сильное чувство сохраняющейся горечи, а также страха перед травмами, болезнями и смертью.

Однако Цзюцяньсуй запретил мне каким-либо образом общаться с ним и не проявил ко мне больше милосердия.

Я и не представлял, что он будет относиться ко мне так, как раньше. Все, на что я надеялся, это на то, что однажды, если он устанет от меня или если мое тело полностью изношено, он снимет с меня эту железную цепь и выпустит меня из особняка, чтобы я мог выживать самостоятельно.

Хотя, даже если бы я мог покинуть особняк, я понятия не имел, куда я мог бы пойти и что я мог бы сделать...

С юных лет меня бросили мои родные родители. Моя пуповина была все еще цела, когда меня оставили завернутым в одеяло на пороге семьи Чжан, которая продавала лапшу у входа в деревню. Эти двое были молодой парой, только что родившей сына. Их новообетенная родительская нежность заставила их взять меня к себе и воспитать вместе со своими. Хотя я бы не сказал, что меня любили или баловали, но, по крайней мере, меня кормили.

Когда мне было четыре с половиной года, возможно, это был неудачный год с плохим урожаем — я не мог точно вспомнить — ужин постепенно менялся: каждый из нас получал по тарелке лапши, а мой младший брат получал большую часть тарелки, а у меня была меньшая порция. В конце концов, моему младшему брату досталась меньшая порция, а я страдал от голода. На следующий день меня отправили в другой незнакомый дом, полностью оборвав связь с приемными родителями.

Этот новый дом нельзя было признать настоящим домом, так как в нем под маленькой крышей находился всего лишь человек, который усыновил меня на полгода. К пяти годам он стал моим мастером кунг-фу и взял меня во дворец с группой семи-восемилетних детей. К тому времени, когда мне исполнилось четырнадцать и я закончил обучение, он подал в отставку и покинул дворец, исчезнув, таким образом, из этого мира.

С четырнадцати до двадцати двух лет я всем сердцем следовал за Его Королевским Высочеством, потому что кроме него я не знал, где еще в этом мире я мог бы закрепить свою неприкаемую душу. В конце концов, пока я следил за ним все дольше и дольше, я постепенно понял, что не могу оторвать от него глаз.

А потом Его Королевское Высочество больше не хотел меня.

Дождь на улице постепенно утих, но темные тучи остались. Солнца не было видно, я мог только по голоду в желудке предположить, что сейчас полдень. Я съел немного сухого корма и в качестве меры предосторожности решил снова лечь спать, чтобы максимально снизить активность своего организма.

Щекочущий звук капель дождя убаюкал меня, и я не собирался снова погружаться в глубокий сон. Я все еще был довольно ошеломлен, когда проснулся от тревожного звука распахнутой двери, и в оцепенении выглянул наружу, оставаясь в постели.

Это был Цзюцяньсуй.

Когда он вошел, он был мокрым с головы до пят. Выражение его лица было таким же холодным и отстраненным, как и всегда, но оно сопровождалось сильным, резким запахом спиртного.